

Когда Юньци был маленьким, он очень много чего хотел попробовать.

Например, сахарные трубочки* с улицы Уисян*, лапшу с зеленым луком у входа в Шестой переулочок, разное хрустящее печенье, пирожные и танхулу*.

* Сахарные трубочки (糖葫芦) — сладкие трубочки из кукурузной муки, покрытые кунжутом.

* Уисян (乌衣巷) — «улица вороньих одежд», аристократический квартал в Цзинлине. Во времена Троецарствия здесь находился военный лагерь царства У; одежда воинов была черной, поэтому место получило такое название.

* Танхулу (糖葫芦) — ягоды и фрукты в сахарной карамели на шпажке.

В семь лет, когда маленький Тоба Фэн водил его по большим улицам и узким переулочкам Цзиньлина, он часто хотел что-то купить, но жалел денег. Помнится, в те юные годы, когда маленький Тоба Фэн покупал сладости, сам он почти никогда их не ел, а отдавал двойную порцию Юньци.

Одну порцию маленький Юньци съедал на месте, а другую тайком проносил во дворец, чтобы угостить Юньвэня.

Если Юньвэнь отказывался есть, тогда уже очередь доходила до Тоба Фэна.

Но почему сейчас, когда речь заходит о лакомствах, они уже не кажутся такими желанными?

У берега озера Сюаньчжу морем разливался аромат цветущего османтуса.

Юньци смотрел на пленяющий своим великолепием стол, уставленный разнообразными яствами. За его спиной старший дворцовый евнух сначала проверял еду серебряными палочками, а затем почтительно отступал в сторону. Тоба Фэн с легким недовольством уставился на того типа, в душе негодуя с этой процедуры проверки на яд.

— Ешь, — приказал Тоба Фэн, очистив арахисовую конфету и протянув её Юньци.

Юньци с беспомощной улыбкой произнес:

— В следующий раз поручи покупки кому-то из евнухов.

Тоба Фэн взял чашку, отхлебнул чаю и рассеянно ответил:

— Они не запомнят, что ты любишь.

Юньци серьёзно возразил:

— Пусть лучше покупают они. Тогда не нужно будет платить, всё спишут на дворцовые расходы.

Тоба Фэн рассмеялся. Взяв наугад засахаренный финик, он с возгласом «хэ!» метнул его в сторону озера. Упитанные осенние рыбы целым роем устремились к поверхности в борьбе за этот финик.

Юньци, позабавившись зрелищем, тоже начал подбирать и бросать закуски. Двумя руками он принялся непрерывно швырять в озеро целую тарелку арахиса, рассыпая его над водой пыльным цветочным дождём. В одно мгновение поверхность озера покрылась одним за другим кругами, и вся гладь заиграла пёстрыми узорами. Кругом переливались золотистые и алые цвета карпов кои.

Тоба Фэн воскликнул:

— Отлично!

Затем, подняв ещё один засахаренный финик, он, не глядя, запустил им наугад и попал прямо в лоб Яо Гуансяо, который как раз входил в беседку, оставив здоровенную шишку.

«...»

Яо Гуансяо громко вскрикнул от боли, и Юньци смущённо произнёс:

— Э-это... гоши*, мы, слепые щенки, не разглядели, честное слово...

* Гоши (□□) — почётный титул монаха при дин. Юань - Мин.

С этими словами он поспешил выйти из беседки, чтобы извиниться.

Яо Гуансяо махнул рукой:

— Ничего страшного.

Войдя и усевшись за стол, он с лёгкой улыбкой добавил:

— У шурина императора и великого командующего, я смотрю, прекрасное настроение!

В тоне Яо Гуансяо сквозила толика грусти. Юньци, зная, что этот выходец из монахов без дела в храм не ходит*, взглядом дал понять Тоба Фэну не пренебрегать гостем, после чего с улыбкой сказал:

— У гоши сегодня тоже, видно, прекрасное настроение.

* Без дела в храм не ходит (□□□□□□□□) — приходить (обращаться) не иначе, как по делу.

Яо Гуансяо кивнул, взял одну танхулу и с шутливым видом сказал:

— Я только что был в императорском кабинете, созерцал небесные откровения великого учителя Лю Цзи и многое прочувствовал. Как раз думал прийти сюда, чтобы излить душу.

Тоба Фэн налил Яо Гуансяо чаю и спокойно спросил:

— Видели «Песню о печёных лепёшках»? Что думаете?

Яо Гуансяо покачал головой:

— Мне непонятно, что значит «Лысый придёт — литература расцветёт, герои наполовину разойдутся по домам»...

Юньци ответил:

— «Лысый» — это, наверное, о великом учителе Яо? А «разойдутся по домам», должно быть, про министров. Одни уйдут, другие умрут, почти все разбегутся.

Яо Гуансяо кивнул, устремив взгляд на Юньци, словно желал что-то добавить.

Юньци всё понял: Яо Гуансяо наверняка пришёл посоветоваться с ним насчёт странного поведения Чжу Ди.

— Государь в последнее время не в духе, великий учитель Яо. Здесь я бессилен. — Юньци поставил чашку и продолжил: — Усмирить злобу, предотвратить кровопролитие — это дело ваше, буддийское.

Яо Гуансяо встал, подошёл к краю беседки и заложил руки за спину. После недолгого размышления он сказал:

— Императору тяжело на сердце из-за внутреннего демона.

Юньци спросил:

— Когда гоши был во дворце? Вы говорили с ним?

Яо Гуансяо с улыбкой ответил:

— Мне не удалось увидеть Его Величество, но слышал, что сегодня утром он покинул дворец и отправился в южную часть города.

Юньци нахмурился:

— В южную часть города?

Тоба Фэн сказал:

— К Фан Сяожу.

Юньци вдруг понял: дом семьи Фан как раз находился у южных ворот Интяньфу. С тех пор как Чжу Ди устроил массовые казни чиновников прежней династии, Фан Сяожу заперся в своём доме, ни на шаг не выходил, закрыл ворота и прервал все связи с внешним миром.

Юньци подумал: «Если Чжу Ди сейчас отправился туда, значит, наверное, хочет пригласить Фан Сяожу вернуться ко двору»... Вспомнив упрямый и несгибаемый характер Фан Сяожу, которому, возможно, не понадобится и трёх фраз, чтобы разгневать Чжу Ди, он не удержался и спросил:

— Гоши, вы хотите... чтобы я пошёл туда?

Яо Гуансяо ответил:

— Канцлер Фан — это семя образования Поднебесной. Его знания настолько обширны, что ими можно свергнуть небеса и землю. Если шурин императора сможет уговорить его вернуться на службу и разрешить давнюю вражду между правителем и его слугой, это станет великим благом для всего народа.

Юньци, некоторое время помолчав, со вздохом покачал головой и сказал:

— Я постараюсь.

Яо Гуансяо хитро улыбнулся и жестом указал на выход:

— Прошу вас.

Карета Яо Гуансяо ждала у задних ворот императорского дворца, за пределами двора Цзиньивэй. Садясь в неё, Юньци понял, что Яо Гуансяо всё подготовил заранее, и не удержался от смеха:

— Всё-таки мы попались на уловку великого учителя.

Яо Гуансяо поспешил скромно возразить:

— Я бы не посмел. Разве во всей Поднебесной есть тот, кто осмелится строить козни шурины императора? Это всё равно что вору-внуку пытаться обокрасть вора-деда.

Когда карета достигла южной части города, ещё до того, как занавеску подняли, знакомый голос Чжу Ди заставил Юньци пошатнуться, и он чуть не свалился с повозки.

— Твою мать, Фан Сяожу, не испытывай судьбу... — Чжу Ди, с хлыстом в руке и в парадном императорском платье, стоял на повозке и кричал: — Чжэнь сейчас же прикажет окружить твой дом. Не пролезет даже ни один человек, который вывозит нечистоты. Посмотрим, сколько дней продержится твоя семья...

Юньци, опираясь на карету, спустился и гневно воскликнул:

— Государь!

Чжу Ди удивлённо спросил:

— Как вы двое здесь оказались? Фэн-эр, ты как раз вовремя! Передай приказ двумстам императорским гвардейцам окружить этот дом. Пусть только его жена выходит наружу за едой, но ни в коем случае не выпускайте тех, кто вывозит нечистоты...

Юньци, не зная, плакать ему или смеяться, произнёс:

— Государь, пожалуйста, успокойтесь немного. Позвольте вашему слуге со всем разобраться.

Юньци представил себе, как семья Фан Сяожу будет барахтаться в куче нечистот, и его невольно пробрала дрожь.

Юньци подошёл вплотную, внимательно осмотрел плотно закрытые створки ворот, покрытые красным лаком, и заметил на них едва различимые следы от угля. Хорошенько подумав, он получил ясное представление, прочистил горло и громко произнёс:

— Командир Цзиньивэй Сюй Юньци пришёл с визитом. Скажите, пожалуйста, Фан Юй дома?

Чжу Ди с удивлением спросил:

— Кто такой Фан Юй?

Со двора дома семьи Фан донёлся звонкий детский голосок:

— А-а!

Затем последовала ругань женщины, и голос умолк.

Юньци, немного постояв, спросил:

— Фан Юй, помнишь, в первый день Нового года на воротах твоего дома было написано слово?

Из дома донёлся детский ответ:

— Кто ты?

Юньци со смехом произнёс:

— Пельмени с луком и мясом... Фан Юй, любишь?

Ребёнок ответил:

— Люблю.

Юньци с мягкой улыбкой сказал:

— Меня зовут Сюй Юньци. Иероглиф «Юнь» на ваших воротах написал я.

Ребёнок с любопытством спросил:

— А зачем это писать на воротах?

Юньци серьёзно ответил:

— Чтобы плохие люди, увидев иероглиф «Юнь», не посмели прийти к вам в дом.

Ребёнок протяжно воскликнул:

— Ого-о!

Затем послышался женский голос. Жена Фан Сяожу взволнованно произнесла:

— Благодарим командира Сюя за спасение наших жизней.

Юньци больше ничего не сказал, лишь переглянулся с Чжу Ди. Правитель и слуга некоторое время простояли снаружи дома Фан Сяожу, после чего ворота медленно открылись.

Жена Фан Сяожу предстала с растрёпанными волосами и грязным лицом. Видимо, она уже много месяцев не выходила из дома. Запасы продовольствия иссякли, муж больше не получал жалованья, и их жизнь стала невыносимо тяжёлой.

Юньци достал конфету и протянул её Фан Юю, погладив мальчика по голове. Он поклонился и произнёс:

— Государь, прошу.

Чжу Ди глубоко вздохнул, огляделся и медленно вошёл во двор.

В доме Фан Сяожу царила крайняя нищета. Единственное, что можно было увидеть, — это книги.

Они валялись повсюду: одна там, другая здесь. Пожелтевшие страницы, переплетенные нитками, источали затхлый запах старой бумаги. Солнечный свет, проникая сквозь внутренний двор в зал, освещал кружащиеся в воздухе пылинки.

Тоба Фэн остался сторожить снаружи. Он опустил взгляд на Фан Юя, а тот с любопытством обошёл этого здоровяка сзади и потянулся рукой к мечу, висевшему у него за спиной.

Тоба Фэн присел на корточки, ткнул пальцем в нос Фан Юя и равнодушно спросил:

— Ты, слушай сюда. Скажи, когда ты успел снюхаться с Юньци?

Фан Юй с серьёзным видом переспросил:

— Снюхаться? — Затем расхохотался.

Тоба Фэн двумя пальцами ущипнул Фан Юя за щёку, потянул в разные стороны и холодно сказал:

— Давай, рассказывай!

Во рту у Фан Юя всё ещё была конфета, и от щипков Тоба Фэна у него потекли слюни. Хихикая, он протянул руку, чтобы дать сдачи, и тоже дёрнул Тоба Фэна за щёку. Так они, большой и маленький, и возились во дворе, отлично проводя время.

Чжу Ди и Юньци вошли в зал, и жена Фан Сяожу крикнула наверх:

— Господин!

Фан Сяожу рявкнул в ответ:

— Не принимать! Никого не принимать!

Затем со второго этажа с грохотом упал огромный ящик с книгами, который разлетелся во все стороны.

Чжу Ди наклонился и поднял «Вёсны и Осени». Пролистав её, он немного постоял под слуховым окном и с улыбкой произнёс:

— Ах, ди, я ведь помню! Раньше я читал эту книгу твоей старшей сестре. Только вот ни одной из тех великих истин, что в ней написаны, теперь не вспомню.

В одно мгновение у Юньци снова закружилась голова, перед глазами потемнело, а затем зрение вернулось. Он взял Чжу Ди за запястье, заставив его опустить книгу, и тихо сказал:

— Государь, поднимайтесь наверх. Даже Лю Сюаньдэ трижды посещал шалаш*. Широта души, которую Ваше Величество проявляете сегодня, непременно будет запечатлена в летописях.

* Лю Бэй, стремящийся заполучить талантливый советника для своих походов, услышал о великой мудрости отшельника Чжугэ Ляна. Он дважды приходил к его шалашу, но не заставал его дома. Только на третий раз Лю Бэй встретил Чжугэ Ляна и уговорил его стать своим главным стратегом. Сюаньдэ — второе имя Лю Бэя.

Чжу Ди, не выражая ни радости, ни гнева, отряхнул полы халата и медленно поднялся по лестнице. На полпути он обернулся к Юньци и сказал:

— Ди, сначала говори ты. Если не переубедишь его, тогда я применю свой козырь.

Юньци, не зная, плакать ему или смеяться, кивнул.

— Канцлер Фан, император пришёл навестить вас, — Юньци сложил руки в приветствии.

Фан Сяожу язвительно усмехнулся:

— Император? Поздравляю, командир Сюй, с вашей беззаветной верностью! Наконец-то вы нашли императора! А что же стало с тем предателем Чжу Ди? Расскажите поскорее.

Чжу Ди скромно улыбнулся:

— Благодаря всеобщей поддержке тот предатель Чжу Ди... взошёл на престол.

С этими словами он огляделся. Увидев на полу несколько стопок книг, он уселся прямо на томе «Лунь юй».

— Ой, государь!

Стопка книг накренилась, и Чжу Ди чуть не подвернул ногу. Юньци поспешно схватил его за воротник, вытащил портрет Чжу Си* и подложил под зад Чжу Ди. Только тогда этот беспутный император, скрестив ноги, уселся на покрытом пылью полу.

* Чжу Си (1130—1200 гг.) — выдающийся конфуцианский философ династии Сун, основатель китайского неоконфуцианства.

Фан Сяожу сидел чуть выше, а Чжу Ди — пониже. Теперь, подняв голову, он серьёзно произнёс:

— Великая Мин не может и дня обойтись без господина Фана, прошу вас помочь мне.

Фан Сяожу насмешливо бросил:

— Разве Великая Мин не пала? Сяожу знает только о Великой Мин Цзяньвэня. После кончины императора Цзяньвэня реки и горы Великой Мин были утрачены. Чьё же это теперь государство?

Юньци спокойно произнёс:

— Юньци пришёл сегодня говорить не об этом. У меня есть три вопроса, которые я хочу задать господину Фану.

Фан Сяожу не ответил, и Юньци продолжил:

— Я хочу взять Фан Юя в ученики, а когда он вырастет, назначить его командиром Цзиньивэй. Господин Фан, как вы на это смотрите?

Ученый никак не ожидал, что Юньци уведёт разговор за тысячи ли, затронув вопрос, совершенно несвязанный с делом. Сначала он опешил, а затем холодно ответил:

— И не мечтайте!

Юньци, с готовым планом в голове*, с улыбкой сказал:

— Почему? Фан Юй, несомненно, унаследовал от господина Фана его праведный дух. Если он займёт пост командира Цзиньивэй, то в будущем очищение внутренних покоев от взяточничества будет не за горами.

* Досл. в душе (в уме) иметь готовый бамбук [прежде чем начать рисовать его] (□□□□).

Фан Сяожу немного помолчал и, усмехнувшись, ответил:

— Фан Юй по натуре простодушен, так что он не годится для службы чиновником. В детстве он был слаб здоровьем, поэтому ему и подавно не стоит заниматься боевыми искусствами.

Так он наотрез отверг предложение Юньци.

Юньци нахмурился:

— Господин Фан считает, что он не годится для этого поста?

Фан Сяожу насмешливо ответил:

— Конечно. Тот, кто не льстит и не пресмыкается, не предаёт господина ради собственной выгоды, определённо не сможет занять этот пост.

Предаёт господина ради собственной выгоды?! Чжу Ди мгновенно вскипел, готовый снова разразиться руганью, но Юньци поспешно придержал его за плечо и с улыбкой сказал:

— Господин Фан имеет в виду... что должность командира Цзиньивэй подходит не каждому, кому её предложат.

Фан Сяожу с холодным лицом презрительно фыркнул.

Юньци со смехом добавил:

— А разве государь целой страны по факту своего рождения годится для правления?

Фан Сяожу уже собирался в гневе обрушиться на него с критикой, но Юньци заговорил снова:

— Не гневайтесь. Господин, позвольте спросить. Во-первых, считаете ли вы, что если человек рождён от законной жены, то он непременно способен нести тяжкое бремя правителя?

Фан Сяожу ещё не успел обдумать ответ, как Юньци уже продолжил:

— Во-вторых, если бы Юньвэнь справлялся с этой должностью, разве Янь-ван сидел бы сейчас здесь и вел с господином Фаном долгую беседу?

Фан Сяожу начал:

— Мятежники и предатели...

Но Юньци неожиданно произнес:

— В-третьих, господин знает Ли Шиминя*?

* Ли Шиминь (599-649) — император Тай-цзун династии Тан, один из величайших правителей в истории Китая. Пришёл к власти в 626 году, устроив «Сюаньуский переворот», в ходе которого убил своих братьев-соперников и вынудил отца отречься от престола. Несмотря на кровавое начало, его правление стало золотым веком. Он провёл реформы, укрепил центральную власть и набирал таланты через экзамены. Разгромил внешних врагов, расширив границы. Поощрял критику и заботился о народном благосостоянии.

Слова Фан Сяожу сразу же застряли в горле. На чердаке надолго воцарилась тишина, а затем Чжу Ди с глубоким вздохом поднялся и серьёзно произнёс:

— В тот день в тронном зале я задал господину один вопрос, и сегодня я повторяю. Если бы Северная Юань всей страной напала на нас, то что лучше — чтобы семья Чжу прогнала род Хубилая* обратно за Великую стену, или чтобы вся Поднебесная попала в руки монголов, а прекрасные реки и горы были утрачены?

* Хубилай (1215-1294) — 5-й Великий хан Монгольской империи, основатель монгольского государства Юань, внук Чингисхана.

Фан Сяожу с ледяной ухмылкой воскликнул:

— Что лучше — чтобы в столицу вошел изменник-узурпатор или краснобровые разбойники*?!

* Краснобровые разбойники (□□□) — крупное повстанческое движение в Китае, возникшее в 18–27 годах н. э. в конце правления династии Синь (узурпатор Ван Ман) и начале восстановления династии Хань. Повстанцы состояли в основном из голодающих крестьян, беглых солдат и разорившихся землевладельцев. Они применяли тактику партизанской войны, захватывали склады с зерном, атаковали правительственные войска. В 25 году они захватили столицу Чанъань, свергли временного императора Лю Сюаня (из рода Хань) и посадили на трон своего ставленника — пастуха Лю Пэнцзы. Однако в 27 году войска Лю Сю (будущего императора Гуань-ди, основателя Восточной Хань) разгромили повстанцев в битве при Ии.

Чжу Ди, гневно ткнув в него пальцем, взревел:

— Как ты смеешь!

Затем он повернулся к Юньци и спросил:

— Что он имеет в виду?

Юньци чуть не свалился с лестницы. Ухватившись за перила, он едва перевел дух и выговорил:

— Он говорит о Ван Мане, который узурпировал власть в Хань...

Чжу Ди пришёл в ярость, затем засунул руку за пазуху и вытащил листок бумаги!

На нем было выведено большое слово: КОЗЫРЬ!

Чжу Ди развернул листок! И царственный дух потряс всё вокруг!

Юньци очень нервничал. Он уже собирался просить о снисхождении для Фан Сяожу, когда Чжу Ди, глядя на бумагу, прочёл:

— Господин! Я всего лишь подражаю Чжоу-гуну, помогавшему Чэн-вану!

«...»

Юньци увидел на бумаге почерк Чжу Цюаня, и мысли его спутались.

Фан Сяожу заорал:

— А где же Чэн-ван?!

Чжу Ди прочёл по бумаге:

— Погиб, предав себя огню!

Фан Сяожу рявкнул:

— Тогда почему бы не возвести на престол сына Чэн-вана?!

Чжу Ди, следуя записке, ответил:

— Государство нуждается в зрелом правителе!

Юньци тут же готов был захлопать. Правитель и его слуга без запинки обменивались друг с другом фразами. Чжу Цюань сумел предугадать мысли Фан Сяожу! Какое мастерство!

Фан Сяожу спросил:

— Почему бы не возвести на престол младшего брата Чэн-вана?!

Чжу Ди ответил:

— Это дело императорской семьи! Даже занимая высший чиновничий пост, разве можно вмешиваться в дела семьи Сына Неба?!

Фан Сяожу потерял дар речи.

Чжу Ди спрятал бумагу и сказал:

— Управление государством, составление указов, принятие решений — всё это без вас невозможно, господин. Прошу, не будьте столь упрямы.

Фан Сяожу не ответил, и Чжу Ди продолжил:

— К тому же, господин обременён семьёй. Даже если вы не хотите служить, как ваша жена и ребенок будут зарабатывать на пропитание? Неужели будете сидеть и смотреть, как они умирают от голода?!

Чжу Ди сделал шаг вперёд и с ещё большим напором добавил:

— Слышал, на родине господина Фана живет его восьмидесятилетняя мать, а среди родственников многие служат чиновниками. Разве господин Фан не боится навлечь беду на всю семью?!

В этих словах сквозила скрытая угроза. Юньци подумал: «Плохо дело. У Фан Сяожу упрямый нрав. Он поддается на ласку, а не принуждение, и такая угроза может только навредить.»

Фан Сяожу, однако, сохранял спокойствие и не отвечал. Словно что-то вспомнив, он через некоторое время произнёс:

— Говорят, императрицу Сюй погубил бездарный лекарь?

Юньци нахмурился. Он знал, что Фан Сяожу слышал о том придворном враче, которого предали казни тысячи надрезов, уничтожив девять поколений его рода.

Чжу Ди глубоко вздохнул, не понимая, почему Фан Сяожу затронул эту тему, но тот медленно продолжил:

— Сюй Юньци, ты снова осудил невиновного, ведь настоящий убийца — совсем другой человек.

— Что?! — Юньци и Чжу Ди в один голос вскрикнули.

Юньци оттолкнул Чжу Ди и бросился вперёд. Вцепившись в воротник Фан Сяожу, он заорал:

— Кто?! Кто убил мою старшую сестру?!

Лицо ученого оставалось безразличным. Юньци, дрожа, отпустил его, а Фан Сяожу знаком показал мужчине подойти ближе и шевельнул губами.

Чжу Ди взял Юньци за руку и прикрыл его собой. Внимательно глядя на Фан Сяожу, он твёрдым голосом произнёс:

— Прошу господина просветить нас.

Фан Сяожу прошептал:

— Придворный врач Хуан Юань... — его голос становился всё тише.

Чжу Ди склонил голову, приблизив ухо к губам Фан Сяожу.

Ученый яростно впился в него зубами, и Чжу Ди мгновенно взревел, оттолкнув Фан Сяожу.

— Зять!

На чердаке с грохотом рухнули книжные полки, и наступил полный беспорядок. У корня уха Чжу Ди зияла окровавленная рана длиной в один цунь!

— Фан — Сяо — жу! — в бешенстве прорычал Чжу Ди.

Фан Сяожу крикнул:

— Да я и истребления десяти родов не боюсь, не то что девяти! Что вы мне сделаете?!

Юньци оцепенел от ужаса. Чжу Ди, прижимая разорванное ухо, взревел во весь голос и, пошатываясь, рухнул в объятия Юньци. Оба с головы до ног были залиты кровью.

— Прошлый император! — в истерике воскликнул Фан Сяожу.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14987/1326104>